

ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Когда возникли русские поселения на Алтае?

Долгое время, чтобы ответить на этот вопрос, обращались к «Списку населенных мест Сибирского края», изданному в 1928 году в Новосибирске. Но данные, приведенные в книге, составлены на основании непроверенных сведений и не выдерживают никакой критики. Из «Списка», например, следует, что ряд деревень на Алтае возник еще до похода Ермака в Сибирь, даже в середине XV века.

В последние годы краеведы подвергли пересмотру многие данные «Списка», что нашло свое отражение в ряде публикаций на страницах «Алтайской правды» и других краевых изданий. Однако эти изыскания относятся только к населенным пунктам, возникшим после 1763 года. Хронология более ранних населенных пунктов на Алтае до сих пор остается не установленной.

Автору данной статьи удалось разыскать в архиве немало документов, позволяющих установить время возникновения ряда населенных пунктов на Алтае, лучше понять процесс первоначального заселения края русским крестьянством.

НА АЛТАЕ

На протяжении полутора веков (с начала XVII века) джунгарские феодалы стремились всячески помешать усилению русского влияния в бассейне Верхней Оби, препятствовали желаниям местных алтайских племен найти защиту от грабежа степных феодалов под властью русского правительства. Мешали этому, бесспорно, и злоупотребления местной русской администрации при обложении алтайцев ясаком. На стороне джунгарских феодалов в большинстве случаев выступала знать телеутов, самого крупного и сильного объединения алтайских племен. На протяжении всего XVII века «Телеутская земля» была своеобразным буфером между западно-сибирскими владениями России и Джунгар.

Русская сибирская администрация хорошо понимала, что закрепиться в бассейне Верхней Оби нельзя без создания на этой территории ряда крепостей и форпостов. Наибольшее внимание привлекало место у слияния рек Бии и Катунь.

Первая попытка основать такую крепость была предпринята в 1633 году. В этом году 20 июля, выполняя указание из Москвы, томский воевода И. Ф. Татев послал вверх по Оби отряд казаков в 60 человек под командованием Федора Пушина, которому было приказано поставить острог на Бии. Этот поход закончился неудачно. 3 сентября 1633 года казаки Федора Пушина были задержаны превосходящими силами джунгар и телеутского князца Коки несколько выше места впадения в Обь реки

Чумыш. Малочисленный русский отряд пять дней пытался пробиться, но вынужден был повернуть обратно.

Построить крепость на Бии не удалось также и отряду Петра Сабанского, ходившего вплоть до Телецкого озера в 1633 и 1642 годах. Это стало возможным только по мере укрепления позиций Русского государства в Кузнецком уезде и по нижнему и среднему течению Бии. В 1709 году кузнецким служилым людям удалось заложить на правом берегу Бии, близ слияния ее с Катунью, Бикатунскую крепость.

Однако уже в следующем, 1710 году Бикатунская крепость была сожжена джунгарами, и на протяжении нескольких лет у русских не было опорного пункта в верховьях Оби. Это облегчало набеги кочевников на территорию Кузнецкого уезда, в состав которого входила в то время освоенная русскими часть Алтая. Так, в 1716 году джунгары совершили набег на западную часть Кузнецкого уезда, возле реки Чумыш, разорили и сожгли юрты живших там телеутов и русские деревни.

В то время шла Северная война со Швецией, и у Русского государства не было достаточно свободных сил для восстановления своих позиций в Верхнем Приобье. Только в 1718 году Бикатунская крепость была построена вновь, но уже не на прежнем месте, а несколько выше устья Бии.

За год до этого, в 1717 году, в северной части нынешней территории Алтайского края на Оби была выстроена Белоярская крепость. В этих местах еще раньше возникли русские поселения. Новая крепость защитила их от набегов кочевников. Рядом с крепостью стала быстро расти Белоярская слобода, в которой во время первой ревизии (1722—24 гг.) было учтено 194 жителя мужского пола.

Построение Белоярского острога и Бикатунской крепости укрепило позиции России на Верхней Оби, в первую очередь на обском Правобережье. Что касается западной части Приобья и всего Обь-Иртышского междуречья, то закрепление этой территории за Россией обеспечивалось в результате возникновения в 1715—20 годах крепостей: Ямышевской, Омской, Железинской, Семипалатинской, Усть-Каменогорской и Коряковского форпоста (ныне город Павлодар). Эти крепости по реке Иртыш загордели алтайские земли от нападений кочевников с запада и юго-запада.

Открытие на Алтае залежей цветных металлов, в первую очередь медных руд, вблизи Кольванского озера и горы Синохи, положило начало промышленному освоению края. В 1726 году русский горнозаводчик Демидов получил разрешение строить заводы по Чарышу и Алею, а в 1727 году на Алтае возник первый медеплавильный завод — Кольвано-Воскресенский. В 1739—44 годах были построены Барнаульский завод на реке Барнаулке и Шульбинский завод на Иртыше. Для защиты от джунгар были построены по приказу Демидова Кольванская, Змеиногорская и Барнаульская крепости.

С переходом в 1747 году алтайских заводов в собственность царя создается Кольвано-Кузнецкая горная линия, возникают условия для широкого хозяйственного освоения края.

Параллельно с процессом включения Алтая в состав Русского государства шло заселение его территории русским крестьянством, возникали одна за другой крестьянские деревни.

Первыми русскими поселенцами на территории Алтая были охотники-промысловики и беглые: крестьяне, мастеровые уральских заводов, раскольники. Со старых мест жительства люди бежали от феодальной эксплуатации, от непосильных заводских работ, от воинской повинности, от нищеты из-за «хлебной скудости», то есть от неурожая. Пришельцев из пограничных областей Западной Сибири (с Ишима и Тобола) гнала с насиженных мест нередко и опасность нападения кочевников.

Значительная часть беглецов была родом из разных мест Севера Европейской части России, где главным контингентом населения были государственные крестьяне. Их положение резко ухудшилось в связи с переходом в 1718 году от подворного обложения к подушному.

Происходил сдвиг крестьянского населения на юг и в самой Западной Сибири. Часть крестьян, переселившись в верховья Оби, на некоторое время избавлялась от подушного оклада.

Многим беглым приходилось начинать жизнь на новом месте с работы по найму у крестьян, поселившихся раньше, и лишь через несколько лет удавалось завести свое хозяйство. Если беглый владел каким-либо ремеслом, то это в значительной степени облегчало ему обзаведение своим двором. Так, уроженец одной из деревень Ишимского дистрикта крестьянин Максим Малофеев жил в течение шести лет «из найму» у крестьянина д. Нижне-Сузунской Ивана Сотникова и крестьянина той же деревни Тимофея Рудакова и только после этого ему удалось купить свою избу. «А при том, — сообщал на допросе Малофеев, — имел ремесло деланием кож сыромятью, которые по сделанию употреблял посторонним людям в продажу».¹

Остановившаяся во время скитаний на ночлег или нанимаясь на работу к крестьянам-старожилам, пришлые вынуждены были сознаваться, что они беглые. Нанимавшим их, в свою очередь, приходилось мириться с этим, иначе нельзя было получить работника в весьма мало населенной местности. Прием беглых довольно широко использовали также Демидовы и всячески стремились закрепить этих беглых за собой.

Только позднее, уже после перехода алтайских заводов в собственность царя и укрепления местной администрации, власти стали преследовать за укрывательство и прием беглых, штрафовали хозяев, наказывали самих беглецов. Однако высылка беглых на прежнее место жительства практиковалась в исключительно редких случаях. Царская и заводская администрация были заинтересованы в заселении территории по Верхней Оби.

Беглые или самовольные переселенцы, если они не являлись на новое место с лошадьми и сельскохозяйственным инвентарем, в ряде случаев занимались промыслом: охотой, рыболовством и временно жили в примитивных «промышленных избушках».

Отсутствие пашни, ориентация на промысел, как главное занятие, не позволяли долго жить на одном месте. Оскудение промысловых угодий, а нередко и стремление уйти подальше от царской администрации заставляли менять место жительства, забрасывать старую избушку и строить новую в другом месте. Однако в конце концов почти каждый беглый становился жителем той или иной деревни. На длительное одиночное жительство шли только те, кому надо было скрываться.

В начале освоения Алтая крестьяне группировались деревнями и из хозяйственных соображений (легче поднимать землю, строиться сообща) и из соображений безопасности от нападений кочевников. Как и в других местах Сибири, крестьянские деревни на Алтае жались к крепости или острогу, а особенно многолюдной оказывалась в первое время слобода при самом остроге. Уже указанный пример Белоярской слободы показателен в этом отношении.

Время появления на Алтае той или иной из первых деревень не всегда поддается точному определению. Чаще всего в документах указывается не дата основания деревни, а год, когда она уже существовала. Но из-за скудности материала о заселении края не приходится пренебрегать и косвенными данными.

Самая ранняя дата возникновения населенного пункта на Алтае, подтвержденная документами, относится к деревне Кислухе ведомства Белоярской слободы. В 1773 году крестьяне этой деревни Григорий и Степан Кайгородовы, прося разрешение переселиться в другое место, писали, что они «в оной деревне сначала заселились и жительство имели деды, после их отцы, да и они потом тут же живут назад тому лет семьдесят»¹. Согласно этому заявлению деревня Кислуха возникла в 1703 году, а в списках деревень она появилась лишь с 1745 года, в росписи раскольников. Однако мы знаем немало примеров, когда даже во время ревизий крестьяне записывались не там, где они действительно жили, а в большой соседней деревне или в слободе — центре ведомства. Так, очевидно, произошло и с Кислухой, жители которой во время 1-й и 2-й ревизий были учтены по деревне Повалихе, от которой Кислуха расположена всего в 4 километрах.

Вторая ранняя дата относится к деревне Каменской ведомства Малышевской слободы. В документе 1750 года мы находим сведение о том, что крестьянин Яков Зырянов, которому в то время было 45 лет, родился в этой деревне в 1705 году.²

¹ ГААК, фонд 1, опись 1, дело 620, лист 291.

² ГААК, фонд 1, опись 1, дело 59, лист 144.

Удалось разыскать косвенные сведения еще о восьми населенных пунктах на Алтае, возникших до первой ревизии. Согласно этим известиям, деревня Бобровка ведомства Белоярской слободы существовала в 1713 году, деревни Шишкина, Кашкарагайская и Усова — в 1714 году, деревня Чарышская — в 1714 году, деревня Бажова — в 1717 году, деревня Верхне-Сузунская — в 1720 году, деревня Санникова на Лосихе — в 1721 году.

О возникновении одной из этих деревень — Кашкарагайской — мы находим сообщение у И. Г. Гмелина, побывавшего на Алтае в 1734 году. И. Г. Гмелин останавливался в д. Кашкарагайской у ее основателя крестьянина Колесникова. «Колесников, — рассказывал Гмелин, — был большой шутник; все, что он говорил и делал, было забавным. Он вспоминал, что мы удивились, почему деревня не называется Колесникова. Да, — сказал он, — люди в деревне такие злодеи, что не захотели сделать мне эту честь при жизни».

И. Г. Гмелин назвал только фамилию основателя д. Кашкарагайской. В материалах 2-й ревизии нам удалось найти данные Игнатия Яковлевича Колесникова, который и был основателем деревни. В то время (в 1745 году) ему было уже 103 года, он имел четырех сыновей, девять внуков и двух правнуков.

Одним из старожиллов деревни Санниковой был Михайло Санаров. В 1781 году его сын Иван Санаров писал, что семья их живет в Санниковой уже 65 лет, то есть с 1721 года. О самом Михаиле Санарове мы знаем такую подробность. Он имел ремесло бронника, то есть оружейника, и в 1745 году построил на реке Лосихе мельницу.¹

В ведомстве Бийской крепости наиболее ранняя дата существования найдена для деревни Соколовой, или Нижней Соколовой, как она стала называться позднее. В 1770 году крестьяне этой деревни сообщили, что их деревня была «заведена» 60 лет назад, то есть в 1710 году.² Примерно в это же время возникла, очевидно, и другая старейшая деревня Бийского ведомства — Фоминская, хотя самое раннее известие о ней мы встречаем лишь в материалах первой ревизии. В то время (1722 г.) в Фоминской насчитывалось 30 крестьян мужского пола. Соколова и Фоминская были наиболее ранними деревнями в окрестностях Бийской крепости, возникшими вскоре после ее основания и под ее защитой.

Первая перепись крестьян, живших по Верхней Оби, была проведена во время 1-й ревизии. Так как материалов этой ревизии в Государственном архиве Алтайского края нет, автор восстановил их по исходным данным следующей — второй ревизии. Оказалось, что в 1722 году на территории Алтая было учтено 34 населенных пункта, в которых жило 1178 крестьян мужского пола.

В первую ревизию были учтены:

В ведомстве Малышевской слободы: сама Малышевская слобода и деревни: Алацкая, Верхне-Сузунская, Инская, Каменская, Каргаполова, Мерецкая, Милованова, Нижне-Сузунская, Поротникова, Челтемова и Чингисская.

В ведомстве Белоярской слободы: Белоярская слобода, Верх-Барнаульская, Дранишниковая, Забродина, Запльвина, Инюшева, Казанцева, Кармацкая, Кашкарагайская, Красилова, Переборна, Повалихинская, Речкунова, Тальменская, Улы-Бердь, Усова, Усть-Барнаульская, Усть-Чумышская, Черемшанская и Шишкина.

В ведомстве Бийской крепости: Бийская крепость и деревня Фоминская.

Ко времени первой ревизии большинство из этих деревень существовало не первый год.

Некоторые уже существовавшие деревни по разным причинам в списки не попали, а жившие в них крестьяне либо учтены по другим населенным пунктам, либо не учтены вовсе. В то время местная администрация была слабой, край только еще осваивался, и поэтому несовершенство переписи вполне объяснимо.

Сведения об учете в первую ревизию двух деревень Усть-Барнаульской и Верх-Барнаульской — позволяют уточнить дату возникновения начального поселения на месте нынешнего города Барнаула.

Исследователями время появления первого населенного пункта на месте нынешнего

¹ ГААК, фонд 1, опись 1, дело 143, лист 29.

² ГААК, фонд 1, опись 1, дело 539, лист 9.

Барнаула до сих пор относится к 30-м годам XVIII века. Это мнение основано на ошибке, суть которой в следующем. В сочинении И. Г. Гмелина рассказывается о том, что 1 сентября 1734 года он пришел со своими спутниками к речке Барнаулке и нашел на ней маленькую демидовскую деревню. В этой деревне краеведы увидели первое поселение на месте нынешнего Барнаула. Первым, пожалуй, пришел к этому выводу Г. Я. Няшин в работе «Некоторые моменты истории Барнаула», опубликованной в 1929 году.

Но если внимательно вчитаться в сочинение И. Г. Гмелина, то становится очевидным, что у устья реки Барнаулки Гмелин не бывал. Отряд его шел строго на север от Колывано-Воскресенского завода к устью речки Локтевки, притока Чарыша, оттуда на Алей, а после перехода через него и через Барнаулку к устью реки Касмалы. Только там Гмелин впервые вышел к Оби. Барнаулку его отряд пересек в среднем течении, где действительно была демидовская деревня Барнаульская. Мы находим эту деревню в списке демидовских мастерских и крестьян, составленном в 1735 году. Этот населенный пункт существует и ныне под названием села Колыванского.

Если бы Гмелин побывал у устья реки Барнаулки, то непременно указал бы на это. Нашел бы в его сочинении отражение и путь вдоль берега Оби от устья Алея до устья Барнаулки.

Против посещения Гмелиным деревни Усть-Барнаульской свидетельствует и расчет времени. В два часа дня 1 сентября 1734 года Гмелин дошел до деревни Барнаульской, в полночь вышел оттуда, а в 9 часов утра был уже на реке Касмале. От устья Барнаулки за такое короткое время отряд Гмелина дойти до Касмалы не мог.

Следовательно, деревню Усть-Барнаульскую ни в коем случае нельзя отождествлять с д. Барнаульской, упомянутой Гмелиным, и время основания первого русского поселения на месте нынешнего Барнаула надо отнести не к началу 30-х годов XVIII века, а самое позднее к началу 20-х годов этого века.